

Лизин

Игорь Михайлович

22284

КРАСНОЕ ЗНАМЯ
г. Владивосток

2 ФЕВ 1984

ОГНИ РАМПЫ

ТЕАТР НА ВСЮ ЖИЗНЬ

КОГДА еще мальчишками и девочками приходили нынешние взрослые владивостокцы на свои первые спектакли в ТЮЗ, вряд ли, более за трех поросят и зайчишек, и, нетодуя на коварных волков и лис, они интересовались, какой именно режиссер выводил их в мир прекрасной сказки.

Неожиданно для себя, на творческом вечере Игорь Михайловича Лизина, открывшем цикл подобных вечеров в ВТО, я обнаружила, что первый увиденный мной спектакль поставил именно Игорь Михайлович. И была это добрая сказка, и запомнилась она на всю жизнь, так что захотелось поблагодарить давно знакомого — уже совсем по другим работам — режиссера.

Я думаю, что подобное открытие могли бы совершить для себя многие приморцы. Из 50 лет творческой деятельности Лизина около 20 он проработал в Приморском ТЮЗе.

...А первым театром для Лизина стал Московский ТРР — «Театр рабочих ребят». Сейчас мало кто помнит звонкие, задиристые словечки — ТРАМ, МРХАТ... В 30-е годы они были в ходу. Театральные студии с подобными броскими и вызывающими названиями возникали тогда, как грибы.

Вот в такую студию-мастерскую сценических кадров и пришел десятиклассник Лизин. Студийцев было 11 человек — они постигали азы актерского ремесла, не пропускали ни одного спектакля без бурных обсуждений, слушали увлекательные лекции. «Ну, Офелии и Гамлеты, записывайте, сегодня у нас экскурс в XVIII век...» — добродушно командовал М. С. Прыгунов, директор Вахрушевского музея, прямо в музее и читавший свои лекции.

До Офелий и Гамлетов, конечно, было пока далеко. В спектаклях ТРР студии выходили в массах. Зато в своих ученических постановках примерялись к большим ролям.

Именно комедийные сценки из студийных спектаклей и исполнил Лизин на творческом конкурсе в гремевшем тогда ТРАМе (Театр рабочей молодежи). Смеялась даже комиссия. И хотя конкурс в этот самодеятельный (лишь позже ставший профессиональным) коллектив был почти 100 человек на место, в труппу Лизина зачислили.

Сейчас, на творческом вечере, актеры ТЮЗа будут с грустью вспоминать, а кукольники — гордо рассказывать о своих капустниках. Когда после трудной премьеры актеры находят в себе силы показать еще один — пародийный, блещущий юмором и жизнерадостностью спектакль. Когда споры решаются шуткой, напряжение снимается дружескими стихами или пародиями. Лизин — мастер на все руки, и в фойе Дома актера мы увидим забавные портреты Шальникова, Айзенберга, Рябова его «кисти».

А любовь к капустникам, которые — показатель жизнеспособности театра, впитана именно тогда, в беспокойном и беспашабном ТРАМе, где маститые педагоги и знаменитые актеры исполнили после спектакля задиристые куплеты наравне с бойкой молодежью. Стремление создать такую творческую

атмосферу, без чванства и борьбы самолюбий, подобрать не просто профессионалов — людей, кристально честных и полностью преданных своей профессии, стало для Лизина главным.

— Какие вы антеры, я видел, — сказал он в своей «тронной» речи, приехав в 1959 году главным режиссером в Приморский ТЮЗ. — Но мне еще важно, чтобы наш театр стал настоящим театром детской радости. А для этого нужны единение душ и чистота помыслов. Нужен коллектив.

И крепкий, спаянный коллектив был создан. Впрочем, здесь, очевидно, помог Лизину огромный опыт. Свой первый спектакль — «Господа офицеры» по Куприну — он поставил еще в 1937 году, когда, после призыва в армию, работал в красноармейском театре. Его давний мастер Ладыгин, увидев «пробу пера» ученика, сказал: «Хочешь быть настоящим режиссером — изучи все театральные профессии».

И тогда Лизин стал устанавливать декорации и работать по совместительству осветителем сцены...

Потом была война. «Отправьте нас на фронт!» — обивали пороги военкомата антеры красноармейского театра. «На фронте пригодится ваше искусство!», — отвечали им.

Лизин это понял позже, когда вместе с фронтовой бригадой выступал в госпиталях, на позициях перед бойцами, а однажды очутился в гостях у зенитчиц. Девчонки — руны загрузели от тяжелой работы, лица — обветрились, форма штопана-перештопана. А зенитки у них — как игрушки. Сидели они в землянке, слушали Чехова и ревели. А когда заиграл баллистическую пьесовую, достали откуда-то из вещмешков лакированные туфельки на тонюсеньких каблучках — память о довоенной жизни. И словно просветлели неулыбчивые лица...

Наверное, эти впечатления и помогли поставить спектакль по пьесе Арбузова и Гладкова «Бессмертный», который Лизин представил на смотр молодой режиссуры в Москве в сорок третьем (!) году. Видно, здорово «стреляло» наше искусство, если нашлось тогда для него время...

А после войны — театры Литвы, работа с национальными труппами. Пришлось за несколько месяцев выучить чужой язык, чтобы поставить потом спектакль на литовском. И до сих пор приходят Игорю Михайловичу иноязычные письма от друзей из Риги и Каунаса...

— Ну, и где бы вы хотели работать? — спросила у Лизина в Министерстве культуры, когда он вернулся в Москву.

— На периферии, в детском театре. Там сейчас — самая напряженная жизнь, самые интересные поиски.

— Что, и во Владивосток поедете?

— Поеду! А когда прокатил на поезде через всю огромную страну, увидел солнечный, пропитанный морским ветром Владивосток, сказал: «Это мой город».

Что ж, на спектаклях Лизина выросло не одно поколение приморцев. Приходил мальчишками на светлый и лиричный «Хрустальный

башмачок», смеялись и переживали за героев «Золотого петушка», чтобы потом взрослеть вместе с Валей Котиком из «Ночного чуда», горячо спорить о мещанстве и приспособленчестве после «Мистерии-буфф» и «Клона».

ТЮЗ был и добрым сказочником, и трибуной для публицистически острых выступлений. Признаться, я сама помню, как после шумевшего «Рок-н-ролла на рассвете», мы, десятиклассники, оставались в зале на стихийное, никем не запланированное обсуждение, которое продолжалось потом и в школе, на переменах. А в театр, говорят, приходили взволнованные письма не только подростков — взрослых людей, которых затронула тема духовного обнищания молодежи на Западе.

Тогда же, на этих спектаклях, выросли и набирали мастерство ныне прославленные антеры. Учились служить театру.

Актриса Надежда Айзенберг до сих пор с улыбкой вспоминает, как однажды из воспитательных соображений ее, недавнюю выпускницу, Лизин не отпустил с репетиции на свидание. «Ты должна знать, что театр — важнее».

Да что — знать! Они просиживали в театре дни и ночи, а перед премьерой бывало, помогали костюмерам и бутафорам. А потом, после спектакля «Будьте готовы, ваше величество!» ту же Надежду Айзенберг, исполнявшую роль принца, ждали за кулисами мальчишки — поговорить по душам, и девчонки — познакомиться с интересным сверстником.

Лизин и сейчас считает, что зрители, даже самых маленьких, нельзя поучать, скорее — советовать, а лучше — решать их проблемы вместе с ними.

На его творческом вечере и были показаны новые тане спектакли. Но уже — кукольные. Не «усидел» на пенсии Лизин, не смог без живого театрального дела. И после стольких лет сценической деятельности снова начал учиться. Ведь кукольный театр — особый, законы у него — свои. Да и зритель потруднее: его не только развлекали и научили — попробуй хотя бы заставить сидеть смиренно!

— А мне куклы нравятся! — говорит Лизин. — Чего сейчас нам всем не хватает — удивления. Как так можно жить — облако на небе не заметить, рабь на воде, веселые детские лица. А наш театр и учит удивлению, непосредственному восприятию красоты, добра и зла. В принципе, мы первыми даем малышу нравственные уроки силами искусства. А значит — делаем одно из самых важных дел...

Переполненные ребячьи залы у кукольников, живая реакция малышей на поступки героев подтверждают его слова. Лизин снова работает в очень добром театре.

...Говорят, спектакли умирают, как только сходят со сцены. Это не так. Они остаются. В нашей памяти, в наших поступках, наконец, — в старых желтевших снимках, что можно рассмотреть вместе с бывшими своими коллегами. И погорюстить о молодости, а может, — загореться новыми планами. Театр — это ведь на всю жизнь.

Н. БАРАБАШ

105